

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

В ЕГО

ОГНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЛЬГА РУЗАНОВА

Ольга Рузанова
В его огне
Серия «Неволин», книга 2

<https://litres.ru/73958178>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Слава! Слав!.. Не отключайся! - кричу я в трубку, - Выслушай меня!.. Прошу!

- Слушай, Теряева, мне не интересно, - проговаривает приглушенным голосом и с явным раздражением, - Отцепись от него.

- Но мне нужно с ним просто поговорить! Просто объясниться!..

В динамике раздается хриплый смех.

- Ты можешь представить Влада с кем-то объясняющимся?.. Нет?.. Вот и я нет.

- Но я ничего не сделала.

- Забудь его, Майя. Найди себе кого-то попроще. Ты для него умерла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ольга Рузанова

В его огне

Глава 1

Два месяца спустя

Майя

Изнуряющая жара давит на виски и наполняет голову невыносимой тяжестью. Пристроив затылок на спинку сидения такси, я устало прикрываю глаза.

- Этот город гораздо больше нашего, да, Майя?.. - спрашивает бабушка, оживленно поглядывая к окну.

Она выглядит бодрой и выспавшейся, несмотря на то, что почти сутки мы ехали с ней в плацкарте, и нашими соседями была семья с шумными детьми.

- Угу...

Сидящая рядом с водителем мама улыбается.

- Летом у нас всегда красиво, но видели бы вы, как весной в скверах цветет сакура!.. М-м-м...

Мне физически плохо. Мне не до красоты летнего города. В том месте, где раньше было сердце - зияющая дыра. Уехав, я словно своими руками разорвала ту единственную тонкую ниточку, что нас с Владом еще связывала. А может, и нет. Может и не было никакой ниточки, и она не больше,

чем плод моего воспаленного воображения. Быть может, он разорвал ее гораздо раньше, когда сказал Славке, чтобы я освободила его квартиру. А мне не приходило в голову поверить, что это правда.

Я ждала от него хоть что-нибудь. Таскалась в отделение и даже в управление к отцу, чтобы узнать, как продвигется дело. Каждый раз мне говорили одно и то же - он сядет на двадцать лет. Потом я ездила на базу, чтобы встретиться со Славкой, который кинул мой номер в бан, но меня даже за на порог не пустили. А после этого я каждый день приходила в зал в надежде встретиться там с Ритой.

Но ни ее, ни Макса я там больше ни разу не видела. Они как сквозь землю провалились, а сам зал был всегда закрытым.

Зато Цариев... Отец не исчезал из моей жизни ни на один день. Звал в гости повидаться с Настей и все время пытался уговорить переехать в его двухкомнатную квартиру.

Но я так и не повидалась с сестрой, и не приняла его заманчивое предложение. А как только закрыла сессию, упростила маму разрешить нам с ба пожить у нее некоторое время.

Мы собрали все необходимые вещи и поехали. Я не знаю, как надолго - только до конца лета или насовсем.

Постановление об аресте продлено еще на два месяца, и если Владу действительно дадут срок, я в тот город больше не вернусь. Кроме отца и его маниакального желания сделать меня своей дочерью, меня там ничего больше не ждет. Он

не успокоится, а значит лучшее решение - оградить себя от всяких с ним контактов.

Что же касается самого Влада... Я не знаю. Я вообще ничего не знаю и не понимаю. Я то верю тому, что сказал Славка, то не верю. Кидаюсь из крайности в крайность, изводя себя до сумасшествия.

Он не мог такое сказать, я не верю. Но в минуты бессознательности, между сном и явью я смотрю на всю нашу ужасную ситуацию будто со стороны. Смотрю и понимаю, что лучше бы ему меня вовсе не встречать. Все проблемы от меня. Я попалась ему как коряга на пути, сбила с привычной дороги, заставляя изменить принципам, а затем и вовсе застряла в ходовой части и поломала весь механизм.

Владу действительно проще выбросить меня из своей жизни. Меня. Моего моего гнилого отца и все, что с нами связано.

Любой другой на его месте так и сделал бы.

И я оставляю за ним это право, потому что сама не прощу ему, если он сломает жизнь из-за меня.

Мы приезжаем в двухкомнатную квартиру, которую мама сняла специально перед нашим приездом, и заносим наверх все вещи. Их не так много, как могло показаться. Всего одна сумка с моей одеждой, остальное бабушкино - журналы, пластинки и старый проигрыватель.

- Поживете вдвоем? - спрашивает мама, показывая нам большую из двух комнат.

Внутри чисто, светло, пряно пахнет геранью.

- Это не мое, - смеется она, когда я отодвигаю занавеску,

- Это хозяйки. Просила поливать.

Мама почти не изменилась, разве что немного похудела, и морщинок у глаз стало больше. Она приняла нас с неожиданной готовностью, но, кажется, опасается, гнева моего отца. Я уехала, не сказав ему ни слова.

- Поживем, - киваю я согласно.

Я не собираюсь сидеть тут день и ночь, потому что намерена работать. Мама пообещала устроить меня на лето продавцом.

- Ты стала совсем худенькой, Майка, - говорит она, едва мы остаемся вдвоем.

Я от нее отвыкла и, учитывая, что особо близки мы никогда не были, не тороплюсь делиться с ней своими переживаниями.

- Ты просто давно меня не видела.

- Что там с этим... с твоим?..

- Ничего, - отрезаю, тоном заявляя, что говорить на эту тему я не хочу.

- Говорят, его посадили до суда в сизо.

- Он ни в чем не виноват.

- Ты все время это говоришь, - отмахивается мама, - Самой не надоело?

Как мне может надоест, если это единственное, что держит меня на плаву? Я ломаюсь в тот миг, как только засо-

мневаюсь в нем. Как только начну думать, что все, что было между нами - не настоящее, что слова его ничего не стоят, и чувств ко мне никогда не было.

Как я могу поверить в это?!.. Что со мной станет, как только я перестану доверять ему?..

Нет... нет, я даже думать об этом не хочу, у меня нет на это ни сил, ни смелости.

- Ты же знаешь Цариева, - поворачиваюсь к маме, - Ты же знаешь его лучше других...

- Знаю.

- Ты же знаешь, на что он способен, когда ему что-то нужно.

- Майя, но...

- Он ломает жизни людей, как спички.

- Я знаю, это, Майя. Но ведь этот твой Неволин не святой мученик, так?..

- Не святой, и не мученик, - соглашаюсь я, - Но и не убийца.

- А что с тем изнасилованием?..

Боже... это то, что я в свои мысли вообще не пускаю. Запретная тема.

Отец ковырял меня ею изо дня в день. Раздирал нутро в кровь и щедро посыпал его солью. Я все еще не представляю, какое отношение Левша имеет к делу об изнасиловании. Цариев и следователи, с которыми мне приходилось общаться, утверждали, что он избил и изнасиловал Карпатову за то, что

она посмела напасть на меня в спортзале.

Я не верю и этому, но синяки на ее лице я видела своими глазами. Если же мой отец причастен к этому, то я желаю ему сгореть в аду.

- Ничего... Это странно, - отвечаю невпопад, - Мутная история.

- Но... тебя же он не насиловал?.. Так?..

- Мам!.. - восклицаю, теряя терпение, - Пожалуйста, не надо!.. Давай, не будет говорить о нем! Я не могу!..

- Тебя могут вызвать по повестке, - говорит она.

- Уже месяц не трогают.

- Но на суд все равно вызовут.

От мысли, что я могу увидеть там Влада в качестве обвиняемого, скручивает живот,

- Пусть вызывают. Я поеду.

Глава 2

Мая

Дверь захлопывается за моей спиной. Лязг ржавых петель ударяет по нервам.

Я пролетаю первый короткий пролет, в разбега ударяюсь в стену и, тут же оттолкнувшись от нее, бегу дальше, почти не чувствуя ступенек под ногами.

Я успею. Еще ни разу не успевала, но пускай это случится сегодня!.. Я должна успеть!..

Еще один пролет. Мое дыхание заканчивается, в боку колет. Шаги позади все ближе. Я слышу тяжелое хриплое дыхание и чувствую зловонный запах кислого пива и пота.

Меня догоняют на третьем этаже, прямо у двери моей квартиры. Хватают за капюшон, откидывают свторону, а затем, развернув, опрокидывают на пол. Я ударяюсь локтями и затылком, но к счастью сознания не теряю, правда тут же получаю мощный удар кулаком в лицо. Перед глазами мутнеет, а во рту растекается кровь. Следом еще один удар, и еще.

Лица нападавшего я не вижу, да и это не важно. Меня, кажется, сейчас убьют.

Кожа на скулах лопается, голова звенит от боли, и я начинаю молиться, чтобы поскорее все закончилось.

Просыпаюсь самостоятельно. Распахиваю глаза и пересушенным ртом хватаю воздух. Пить.

- Майя, что?.. - раздаётся с соседней кровати тихий бабушкин голос.

- Ничего, спи.

Я откидываю одеяло, сажусь и опускаю ноги на пол. Постепенно комната перестаёт быть одним черным пятном - предметы приобретают очертания. Поднявшись, тихо, стараясь не тревожить ба, босиком иду на кухню. Наполняю стакан водой и выпиваю залпом.

В животе становится прохладно, в голове проясняется.

Это всего лишь сон. Один из тех, что мучают порой ночами. Отголосок моего прошлого, когда вот такие погони и побои были едва не нормой. Страшнее, когда снится Влад - его тихий, пробирающий до мурашек низкий голос, пронизывающий взгляд и руки на моем теле.

Вот тогда я просыпаюсь в истерике и потом еще долго задыхаюсь от слез. Он избавил меня от одного кошмара, но подарил другой. Сначала обогрел, показал, что такое любовь, а потом молча оттолкнул.

Дождавшись, когда пульс вернется в свой прежний ритм, я возвращаюсь в комнату и залезаю под одеяло. Сон не идет, и тогда я принимаюсь прокручивать в голове все события прошлого дня. Моя первая рабочая смена в магазине кальянов, новые знакомства и звонок отца. Он кричал в трубку, когда понял, что я убежала из города. Сбросил вызов, но через полчаса позвонил снова - спокойный и умиротворенный. Разрешил мне отдохнуть немного у мамы и пообещал, что

на допросы пока вызывать не будут. А также напомнил, что меня все еще ждет двухкомнатная квартира на Пушкинской, которую он готов переписать на меня, как только я дам свое согласие. Я снова отказалась и вежливо попрощалась.

Вечером мама сказала, что он и ей звонил тоже, велел не нагружать меня работой, а дать как следует отдохнуть.

Перекатившись на живот, я обнимаю подушку руками и зарываюсь в нее лицом.

Господи... какой цинизм! Какая изощренная жестокость!.. Он гнет меня в разные стороны, проверяя на прочность и надеясь, что где-то да и сломается.

Цариев обложил меня со всех сторон. Мне пришлось отказаться от работы, выдержать долгую сложную беседу с деканом в вузе, куда пришло извещение о том, что я прохожу свидетелем по очень серьезному уголовному делу, и сменить место жительства. Он забрал Влада, самое дорогое, что было у меня в жизни. Забрал веру в правосудие, сострадание и справедливость. Заставил корчиться от боли и ждет от меня дочерней любви и уважения?..

Он или сумасшедший или монстр, каких еще не видел этот свет.

Утро начинается с трелью будильника и чашки растворимого кофе. Потом работа до десяти вечера и поздняя прогулка в одиночестве в любую погоду. И так каждый день, пока однажды кое-что не меняется.

- Майя, когда тебе в последний раз звонил отец? - спра-

шивает мама, едва я захожу в квартиру.

- Он не звонит мне.

- Совсем? - хмурится она.

- Совсем, - говорю, скидывая с ног легкие туфли, - Звонил в тот день, когда узнал, что мы уехали.

- Странно, - проговаривает она, чем неожиданно меня настораживает.

Запахнув легкий халатик на груди, уходит на кухню, откуда доносятся шкворчание и запах жареного мяса. Я бросаю сумку на обувную полку и иду за ней.

- Почему?..

Она оборачивает и непонимающе поднимает брови. Внимательно вглядываясь в ее лицо, я переспрашиваю:

- Почему странно?

- Просто... - пожимает плечами, - Просто, идет дело, и я думала, что еще не раз потребуются твои показания.

- Почему тебя это так волнует?

Червячок сомнения, который лишь однажды куснул сознание, сейчас впивается в нутро. Мама берет щипцы и принимается переворачивать кусочки говядины на сковороде.

- Меня не волнует, просто это... очень странно...

- Мама. А как часто Цариев звонил тебе?

Она замирает, и спина ее тут же напрягается. Я понимаю, что надавила на больную мозоль.

- Вы обсуждали с ним меня?

- Он звонил пару раз, когда ты была еще там...

- Это я знаю. А сейчас?.. После того, как я приехала?.. Ты ему что-то обещала?..

- Боже, Майя!.. Я же рассказывала, он просил жалеть тебя, и я тебя жалею!..

- Он дает тебе деньги, верно?..

Повисшая между нами тишина красноречивее всяких слов. Метнувшийся в сторону взгляд мамы выдает ее с головой. Молча взмахнув щипцами, от которых в разные стороны разлетелись капли жира, она снова переворачивает мясо.

- Зачем?.. - спрашиваю сипло.

- Не сочиняй.

- Он дает тебе деньги, а ты берешь их. Зачем, мама? Тебе чего-то не хватает?

- Он дал мне всего один раз, - проговаривает тоном, словно это само собой разумеющееся.

- Я спрашиваю, зачем?! Затем, чтобы ты разрешила мне пожить здесь?.. - постепенно повышаю голос, чувствуя, как в желудке закипает ярость, - Я разве просила у тебя денег? Я разве сижу на твоей шее?!

- Нет, но ты думаешь, аренда этой квартиры стоит дешево?!

- На аренду этой квартиры тебе дала денег бабушка!..

Неожиданно выяснилось, что у нее есть кое-какие сбережения, поскольку с течение нескольких лет она свою пенсию почти не тратила.

- Боже!.. - смеется мама, - Что она там дала?..

- И я даю тебе деньги каждую неделю!.. Зачем ты берешь еще и у него?! Ты же знаешь, что он ничего не делает просто так!.. Ты ответишь за каждую копейку.

- У тебя мания преследования, Майя!

- У меня?! - шалею я.

- Да! Ты ищешь кошку в черной комнате!.. А ее там нет!

- Ты с ума сошла?!

- Да, я его тоже ненавижу, и не простила за все, что он сделал со мной, но сейчас мы оба действуем в твоих интересах! - чеканит и тычет в меня щипцами, - Он собирается переписать на тебя все имущество, и я не вижу в этом ничего плохого!

- Но взамен он требует мою душу!.. Мою душу, мама! Неужели она ничего не стоит?!

- О, господи!.. - закатывает глаза, - Ничего, если за ней ни гроша.

Застыв, я смотрю на нее во все глаза и не верю тому, что слышу. Что я делаю не так?.. Может, я действительно ничего в жизни не понимаю?!

- Я не могу до него дозвониться, - говорит он, глубоко вздохнув, - Сначала шли гудки и включался автоответчик, а потом номер вовсе стал недоступен. Мне кажется, у него что-то случилось.

Глава 3

Майя

На третий день моя выдержка заканчивается. Предположение мамы, что у Цариева могло что-то случиться, не выходит из головы ни днем, ни ночью. Мне так хочется верить, что его возможные проблемы связаны с делом Влада, которое, я уверена, он шьет из пустоты, что я потеряла покой и не расстаюсь с телефоном ни на мгновение.

Однако прежде, чем набрать его, я пытаюсь связаться со Славкой, у которого я все еще в черном списке, Лерой, номер которой недоступен и самим Владом. На этот раз со мной не хочет общаться даже автоответчик. Я сижу с прижатым к уху телефоном и слушаю тишину целых пять минут.

Что-то точно изменилось. Теперь это понимает каждая клетка моего мозга, чувствует каждый воспаленный нерв. Я набираю отца и слышу то же самое, что и мама. Абонент недоступен. Номера Елены Николаевны, которая могла что-то знать, у меня нет.

- Он говорил, что в последнее время плохо себя чувствует, - сетует мама, говоря о Цариеве, - Неужели попал в больницу?..

- Думаешь, ему настолько плохо, что он отключил телефон?

- Может, человек в реанимации, - замечает бабушка, раз-

мешивая сахар в чай, - После всего, что он пережил.

Я взвиваюсь, как выпущенное на ветер знамя. Бросаюсь к столу, за которым сидит ба и в сердцах ударяю по нему раскрытой ладонью.

- Он пережил?! Он?!

- Майя, осторожнее! - восклицает бабушка.

- Что он пережил?! Посадил человека в тюрьму! Переломал все, что было у меня ценного в жизни!.. Что он пережил?

- У него могли быть проблемы на работе из-за тебя...

- Что?!.. Проблемы?.. Какие, ма? Его полномочий не хватило на то, чтобы сразу казнить Неволина?! В этом его проблема?!

В ушах звенит, виски ломит, но сносить их равнодушие и покладистость молча я больше не могу.

- Если у него и будут проблемы на работе, то только в том случае, если руководство узнает о его самоуправстве!.. И тогда вместо Влада посадят его!.. Вот тогда будут проблемы! - кричу я, - Вот тогда он захлебнется в собственном же дерьме!..

Бабушка, побледнев, смотрит на меня расширившимися от ужаса глазами. С зависшей в воздухе крохотной ложечки капает чай. Мама же в ярости. Сложив руки на груди, сверлит меня грозным взглядом.

- Майка... Твой папаша не простой человек. Он хоть и не образец порядочности, но и твой Неволин тоже. Я уверена, что он тоже напоротил дел ни на один срок!

- Нет!

- Прекрати обелять его и очернять Цариева, будто он один виновен во всех твоих бедах!

- Я поеду туда!.. Ясно?..

- Никуда ты не поедешь, пока не начнется учеба, - усмеяется мама, мотнув головой.

- Я не буду жить на его деньги, пока Влад сидит по его вине сидит в тюрьме.

- Ты не живешь на его деньги, успокойся, - примирительным тоном, с улыбкой, проговаривает бабушка, когда я пулей вылетаю из кухни.

Наша стычка не заставила меня заплакать. Я выплакала все, что у меня было и даже на десяток лет вперед. А утром мне звонят с неизвестного номера. В сердце колет предчувствие. Я, невольно вздрогнув, вцепляюсь в мобильник побелевшими пальцами и принимаю вызов.

- Майя?.. - раздается в нем официальный, чуть прохладный голос, который, несмотря на то, что слышала его всего однажды, я тут же узнаю.

- Елена Николаевна? Здравствуйте.

Мама и ба в соседней комнате, я тихонько прикрываю дверь и припадаю к ней спиной.

- Здравствуй, я звоню сказать, что твой отец в больнице.

Вот как. Значит бабушка и мама оказались правы. Он заболел.

- Что случилось?

- Ему провели операцию, но состояние критическое. Он в коме.

- Сердце?..

Я помню, как он жаловался на проблемы со здоровьем и даже говорил, что врачи ожидают худшего, но чем именно он болен, я не знала.

- Нет. Аневризма, - проговаривает она ровно и безэмоционально, как автоответчик, с которыми в последнее время я общаюсь достаточно часто, - У него были проблемы с сосудами головного мозга. Его прооперировали после кровоизлияния.

- О, боже...

- Его врач звонил мне сегодня и сказал, что долго он не протянет, продолжает она, - Мне кажется, тебе следует приехать.

Я киваю сама себе и проговариваю в трубку.

- Я сейчас возьму билет и приеду первым же рейсом.

- Да.

Повисает неловкая тишина. Елена Николаевна почему-то молчит, но и не прощается. Я не знаю, что ей еще сказать.

- Как Настя?

- Как обычно. Майя...

- Что?..

- Ты не знаешь, он успел оформить завещание?..

- Я не знаю, - отвечаю тихо, - Он со мной такого никогда не обсуждал.

Он все время говорил о квартире, но это, скорее всего, не то, что имеет в виду Елена Николаевна.

- Он говорил... - она прерывисто вздыхает и берет себя в руки, - Хорошо, мы обсудим это, когда ты вернешься.

Она отключается первой, а я стою, не двигаясь и глядя в пустоту, еще добрых десять минут.

Очередной кувырок приводит к сотрясению мозга. Перед глазами расплываются черные круги, желудок сжимается в комок и вызывает приступ тошноты.

Я никак не соберусь с мыслями и не пойму, что это будет значить конкретно для нас с Владом. Хорошо это или плохо?..

Бабушку и маму новость повергает в шок. Одна начинает требовать свою валерианку, вторая - открывает шкаф и достает початую бутылку красного вина.

- Я же говорила!.. - восклицает ба, - Я чувствовала это!..

- Вот и пожили, - вворачивает мама.

Мне больше нечего сказать этим двоим. Я вытаскиваю чемодан из-под кровати и начинаю скидывать в него свои вещи. В голове хаос, на душе тревога, но за ней, как робкий рассвет, брезжит надежда. Мне так хочется верить, что без Цариева дело рассыпется, как карточный домик, что остаться тут, вдали от Влада и от того, что наплел там мой отец, я больше не могу.

- Я поеду с тобой, - заявляет мама, войдя в комнату.

- Зачем?..

- Затем, что мне больше нет смысла сидеть тут. Я уехала оттуда из-за него...

- Мне без разницы.

- Мы уезжаем? - спрашивает ба, - Так быстро?.. Я думала дождаться здесь начала театрального сезона.

- Мам, какой театральный сезон?!.. Мы возвращаемся.

- Как хотите, - роняю я, продолжая паковать чемодан, - Не нужно было уезжать вовсе.

Я покупаю на сайте три билета, полночи мы собираем наши вещи, а утром на такси отправляемся на вокзал.

Глава 4

Майя

Родной город встречает проливным дождем. Теплым и без ветра. Мы шагаем по перрону, накинув на головы то, что оказалось под рукой. Бабушка нашла косынку, мама - ветровку, а я накинула капюшон.

- Когда там электричка? - спрашивает мама.

- Через полтора часа, - отвечаю я, усаживаясь на лавку в зале ожидания напротив нее.

Она редкий гость в нашем городе, поэтому выглядит взбудораженной и, я бы сказала даже - воодушевленной. Неужели и правда мечтала вернуться?

- Я просмотрела объявления, - рассказывает она, подавшись ко мне, - Аренда двушки в нормальном спальном районе стоит в полтора раза дешевле, чем я заплатила там...

Мне не по нраву вся эта суета, но здесь, я думаю, она права. Нет никакого желания продолжать жить в пятиэтажке на станции «Пионерская», где все нас ненавидят.

- Я думаю, мы потянем. Позвоню сегодня по старым знакомым и попробую найти работу. Тут столько торговых центров открылось, оказывается!..

- Да.

В том городе, насколько я поняла, у мамы остался рынок, на котором она проработала восемь лет, и мужчина, с кото-

рым у нее были недоотношения. Они то сходились, то расставались, и, кажется, ей совсем не жаль порвать с ним.

Бабуля выглядит равнодушной и апатичной. Такое чувство, что ей совершенно все равно, где жить, главное, чтобы не трогали мир ее Шостаковича и балета. Она витает в облаках и в своих мыслях о высоком, имея четкое представления о нормах морали, но при этом не умея вписать их в конкретные реалии. В вопросах отношения моего отца к маме он для нее подлец и негодяй, а в рамках его службы - представитель закона и уважаемый человек. Если он хочет что-то подарить мне, он хороший отец, если собирается посадить человека на двадцать лет, значит тот - преступник. У ба все очень просто. Она не про логику и мышление. Она про эфемерное и духовное.

Я не могу не раздражаться и не злиться, когда это напрямую касается меня, но поделаться с ней тоже ничего не могу. Она любит меня так, как в принципе способна любить человека, но с Шостаковичем и Плесецкой я, конечно, в один ряд для нее не встану.

В нашей старенькой квартире пахнет пылью и запустением. Проплывающие в окне мимо дома тяжелые тучи не добавляют настроения, но мою кожу все равно покалывает от нетерпения. Я уже знаю, чем займусь завтрашним утром. Сначала поеду к Елене Николаевне в квартиру Цариева, узнаю все, что она может мне сказать, а потом наведаюсь в отделение по Красноармейскому округу и попрошу встречи

со следователем Калашниковым, ведущим дело Влада. У меня даже номера телефона его нет, потому что он всегда связывался со мной через отца.

- Позвони, если что-то узнаешь, - велит мама, когда на следующий день я собираюсь пойти на электричку, - Я набирала его сегодня утром, но телефон все еще недоступен.

- Он же в коме, мам...

- Ну, вдруг уже вышел, - пожимает она плечами.

Конечно, вышел из комы и тут же включил телефон, чтобы перевести ей еще денег. Замечание свое я оставляю при себе - все, что думаю, я маме и бабушке уже сказала. Остальное меня не трогает, все мои помыслы направлены сейчас в иное русло. Мне нужно узнать, как идет представление, когда исчез его главный кукловод. Я не верю, что еще у кого-то есть мотивы продолжать закапывать Влада и сильно надеюсь, что дело еще не дошло до той точки, когда повернуть назад будет уже поздно.

Елена Николаевна встречает меня на пороге. В синем платье до колена и шали на плечах, словно на дворе зима.

- Проходи, - говорит она тихо, отступая в сторону.

Кроме нее в квартире еще одна женщина. Среднего возраста и в серой униформе. Она суетится с тряпкой, и я понимаю, что это клиннинг.

- Здравствуйте.

- Чай?.. Кофе? - спрашивает Елена Николаевна.

- Нет, спасибо.

Ее лицо бледное и строгое. Она смотрит на меня без неприязни, но с некой долей высокомерия. Как на щенка, которого хозяин принес с помойки.

- Тогда пройдем в кабинет.

- Как Настя? - спрашиваю, шагая за ней по коридору.

- Она спит.

- Спит?..

- Она часто спит в такую погоду. Это нормально.

- Ясно.

Мы входим в кабинет моего отца, Елена Николаевна обходит стол и занимает его место, я присаживаюсь на стул.

- Ему осталось несколько дней, - начинает без вступления,

- Сегодня утром я разговаривала с врачом.

- Все так плохо?

- Он на аппаратах жизнеобеспечения. Обширное кровоизлияние в мозг и кома. Операция только продлила его мучения.

Я смотрю на нее, слушаю, и не чувствую ничего. Ни сожаления, ни сострадания, ни боли утраты. Радости и злорадства тоже нет. Меня волнует одно - что теперь будет с Владом.

Однако, чтобы поддержать беседу, спрашиваю первое, что мне приходит в голову:

- Давно у него эта болезнь?

- Всегда была, сколько я его знаю, - отвечает Елена Николаевна, - Бомба замедленного действия. Врачи говорили ему, чтобы не нервничал и в целом берег себя, но...

Сердце гулко стучит в груди, немного знобит.

- Он нервничал в последнее время?

- Он постоянно нервничал, - по ее лицу пробегает тень неприязни, по которой я понимаю, насколько она не жалуется моего отца, - Но перед тем, как случилось кровоизлияние, у него были проблемы на работе.

Меня прошивает током. Вонзившись ногтями в кожу ладоней, я перестаю дышать.

- Какие проблемы?.. Он ведь полковник.

- Я не знаю. Кажется, какая-то проверка. Он закрывался в кабинете и пил там...

О, боже... Неужели это то, о чем я думаю?.. Неужели это проверка из-за превышения полномочий? Я читала об этом и знаю, что сроки бывшим сотрудникам за это дают немалые.

- То есть, его могли посадить, если бы он не попал в больницу? - спрашиваю тихо

- Что за ересь?! - усмехается Елена Николаевна, - Кто его может посадить?! У него связи в Москве. Он бы выкрутился!.. Всегда выкручивался.

Но не в этот раз. Что-то подсказывает мне, что эта проверка была бы последней.

- Я позвала тебя узнать...

- Что?..

- Он уже оформил на тебя завещание?

- Нет. Я ничего не знаю об этом.

- Что мне теперь делать? Кто будет оплачивать мои услуги

сиделки?

- Не знаю, - проговариваю растеряно.

- Он платил мне за три месяца вперед, и в следующем месяце срок заканчивается.

- И вы уйдете вот так, оставив Настю?..

- У нее есть сестра...

- Но вы ее родная тетя.

Поджав тонкие губы, она какое-то время молчит, а потом негромко проговаривает:

- Нужно узнать, что с завещанием.

Глава 5

Майя

В отделение, куда я направилась сразу после визита в квартиру Цариева, меня не пускают. Пропуска нет, вызова нет. Приходите, когда будет официальный вызов.

- Старший лейтенант Калашников, он следователь по делу, по которому я прохожу свидетелем, - объясняю который раз, разговаривая через стекло с охраной, - Позвоните ему, пожалуйста. Скажите, что пришла Теряева.

- Теряева, - терпеливо повторяют мне, - Вас вызовут, когда вы потребуетесь.

- Но вы можете хотя бы дать номер его телефона?

- Не можем. Не положено.

Я ухожу ни с чем. Бесцельно кружу по центру города, заглядываю в бутик, в котором мы работали с Лерой, потом решаю навеститься к ней, надеясь застать ее дома. Однако соседи говорят, что она тут больше не живет. Тетка выгнала ее, когда начались какие-то проблемы. Какие именно, никто не знает.

В квартиру Влада я не еду. Боюсь. Меня гложет страх приехать, застать его там и окончательно убедиться, что каждое сказанное Славкой слово было правдой. Я съезжу туда обязательно, но позже, когда узнаю хоть что-нибудь.

Отчаявшись, я бреду до ближайшего сквера и, заняв там

свободную скамью, набираю номер моего бывшего работодателя. Быстро объясняю, что семейные обстоятельства вынудили вернуться в город и очень прошу, чтобы он взял меня обратно. Ковалишин, мужик суровый и строгий, закалки девяностых, поворчав, соглашается. Со следующего понедельника я вновь работаю в салоне сотовой связи.

Уже на обратном пути, пока я еду в электричке, приходит мысль поискать Леру в соцсетях. Раньше она активно вела их, но затем снесла все страницы и исчезла с радаров.

И вдруг, о чудо, я нахожу ее профиль через одну из ее подруг, которая часто раньше появлялась в квартире Славы. Аккаунт Лерки совсем новый, с одной фотографией, на которой она изображена вполборота и парой комментариев под постом подруги.

Затаив дыхание, с колотящимся в горле сердцем, я пишу ей сообщение:

«Лера, привет. Как дела?»

Ее нет сейчас в сети, но я упорно жду ответа, пока не объявят мою станцию.

Мама нападает с расспросами с порога. Я рассказываю ей все, что знаю, не выпуская телефона из рук.

- Интересно, как ты узнаешь, оставил он тебе что-то или нет, если он умрет?..

- Ее должен вызвать нотариус, - подает голос бабушка, - Я читала об этом в одном журнале.

- Если он мне что-то завещал, я перепишу все на Еле-

ну Николаевну, сестру жены Цариева, с условием, что она оформит опеку Насти на себя.

- Мы сами будем за ней ухаживать! - заявляет мама запальчиво, - Я знаю, как ходить за инвалидами, я полгода за лежачей бабкой ухаживала.

- Мам, успокойся, - мотаю я головой, - Во-первых, Настя не лежачая бабка, ухаживать за такими больными нужно уметь, во-вторых она ей не чужой человек. Настя знает ее раннего детства. А с чужими людьми она сходитя плохо.

- Она привыкнет!..

- А в-третьих, - перебиваю я, - Мне от него ничего не нужно.

- Майя!.. - вскрикивает мама, - Ну не будь ты душой!.. Это такой шанс! Неужели тебе нравится работать продавщицей за гроши?!

- Это не навсегда!.. У меня скоро будет диплом!..

- И ты думаешь, заработаешь там больше? - смеется она, закинув голову.

В этот момент телефон в моей руке коротко вибрирует, затем еще раз и еще. Похоже на то, что кто-то бросается в меня отрывистыми сообщениями, как это любит делать Лера.

Меня подкидывает на месте. Я разворачиваюсь на пятках и несусь в комнату под недовольное бухтение мамы.

Это действительно она. Трясущими пальцами я жму на полоску уведомления и попадаю в нашу переписку.

«Привет. Все хорошо»

Это не то, на что я рассчитывала, но уже что-то! Она, если все еще с Сашкой, должна знать, что с Владом.

«Набери меня, пожалуйста. Или напиши номер своего телефона»

Лера прочитывает мое сообщение и замолкает на долгих десять минут. Не то советуется с кем-то, стоит ли мне звонить, не то сама сомневается.

«Пожалуйста, Лер» - пишу я, надеясь на ее расположение.

Мы ведь дружили и никогда не ссорились. Не делили парней и не сплетничали друг о друге. Неужели она просто боится?..

Однако через какое-то время мне звонят с неизвестного номера. Это она!..

- Лера?.. - едва не выкрикиваю в трубку.

- Привет, - здоровается она снова, сухо и отстраненно.

- Привет, Лер, - выпаливаю быстро, - Скажи мне, ты знаешь что-нибудь о Владе?

- Зачем тебе?..

- В смысле?.. Я хочу знать, что с ним...

- Нормально с ним все.

- Его отпустили? - спрашиваю, прижав телефон к уху со всей силы.

- Давно.

Мир вокруг меня застывает. Исчезают звуки и изображение. Заканчивается воздух в комнате.

- Слышишь меня?.. - доносится откуда-то издалека, - Чего звонишь-то?..

- Как... как давно?..

- Я не считала.

- Почему отпустили?

- Я не знаю, - начинает она раздражаться, - Отпустили и все.

- Дело закрыто?..

- Тебе лучше знать, Майя... Там же все на тебе повязано.

- Неправда.

- Спроси у своего папаши. Все, давай, я тороплюсь... - говорит она, собираясь скинуть вызов.

- Лера, подожди, не отключайся! Что ты знаешь?.. Почему Влад не хочет видеть меня?

- Ты прикалываешься? - издает она смешок, - Вы с твоим отцом чуть не угробили его и нас всех вместе с ним.

- При чем тут я?!

- Я не знаю подробностей, но Сашка мне сказал, чтобы я с тобой больше не общалась.

- Лера!..

- Позвони Левше и задай ему все вопросы.

- Но у него номер недоступен!

- Не мои проблемы, - роняет подруга и отключается.

Я ничего не понимаю. Пялюсь в сумерки за окном и пытаюсь собраться с мыслями.

Его отпустили!!!

Влад на свободе, черт возьми!.. Как я и думала, дело развалилось, потому что им заинтересовался кто-то сверху. Все обвинения рассыпались в пыль!..

Облегчение накатывает тяжелой горячей волной. Тело сотрясает дрожью, и глаза наполняются слезами. Я плачу тихо, но долго. Пока мама не застает мою истерику.

- Ты чего?

- Неволину отпустили. Он ни в чем не виноват, ясно!..

Она молчит, словно ни капли не удивлена. Подходит ближе и опускает ладонь на мою голову.

- Ты это давно знала.

- Всегда!.. Я всегда это знала!.. Он ни в чем не виноват. Не было никаких убийств и изнасилований.

- Не знаю...

- Только теперь он ненавидит не только моего отца, но и меня!

Глава 6

Майя

Я больше ничего не предпринимаю. Есть вероятность того, что Лерка расскажет Сашке о моем звонке, а тот в свою очередь передаст Владу, и тогда он сам наберет меня. Но шансы на это тают с каждым днем, как снег на солнце.

Звонит только Елена Николаевна. Сухо ставит в известность о состоянии отца и отключается. Он находится между жизнью и смертью, и будто никак не может определиться. Врачи ожидают худшего.

Я выхожу на работу - на лето взяла график с утра до трех часов. Потом помогаю маме в бутике одежды в этом же торговом центре.

Мы сняли квартиру в одном из спальных районов, и теперь нам не нужно нестись каждый вечер на последнюю электричку, сломя голову.

Мне плохо. Я, как мой отец, болтаюсь между нормальным существованием и крайним отчаянием и совершенно не понимаю, что делать.

Съездить к нему домой или на базу?.. Наверное, сделаю и то и другое, как только наберусь смелости.

Примерно через неделю после того, как мы стали жить в городе, меня неожиданно вызывают в отделение. Никогда не спешила я туда с такой радостью, как сегодня.

Внизу пропускают, лишь для порядка глянув в документы. Называют номер кабинета, и это не тот, в котором меня мучили месяц назад.

- Здравствуйте, - приоткрываю дверь после короткого стука.

- Проходите, - кивает мужчина преклонного возраста.

Он высокий и худощавый. Глаза за толстыми стеклами очков кажутся неестественно выпуклыми.

- Это не разговор под запись, Майя Михайловна, - предупреждает он сразу.

Кроме нас в кабинете никого. Я занимаю стул у стола напротив него и щурюсь от бьющего в лицо солнечного света. Заметив это, он тут же встает и опускает жалюзи.

- Спасибо.

- Что вы знаете о деле, которое курировал ваш отец? Цариев Олег Александрович ведь ваш отец?..

- Мы не делали днк, но он и моя мама утверждают, что да.

- Проверка обнаружила сотню листов протоколов с вашими показаниями, - продолжает он спокойно, - Он давил на вас?

Я поперхиваюсь воздухом и впадаю в ступор. Как отвечать?.. Что сказать, чтобы это не навредило Владу?..

- Он хотел, чтобы я признала то, чего не было на самом деле, - отвечаю честно.

Цариев мне не союзник.

- Но вы давали противоречивые показания.

- Я говорила только правду.

- За что он так ненавидит Неволина? Вам известно?..

Я втягиваю воздух носом и выдыхаю его через рот. Лежащие на коленях руки сильно трясутся.

- Еще раз напоминаю, Майя Михайловна, наша беседа не протоколируется.

- Тогда зачем вам это?..

- Мотивы.

- Неволин тут не при чем, я думаю, - сглатываю вязкую слюну, - Дело во мне. Он хотел от меня послушания.

- Вот как?.. - глаза за стеклами очком становятся еще круглее.

- Да. Ему нужно было, чтобы я прекратила с Владом, - прочистив горло, поправляюсь, - с Неволиним все общение.

- Вас связывали романтические отношения?.. - догадывается мужчина.

- Связывали, да.

- Но вы отца слушать не собирались?..

- Мы с ним не близки, - поясняю я, - Я узнала о его существовании этой весной.

- Ясно, - говорит он, откинувшись в стуле и сложив руки на груди.

- Скажите... - спрашиваю негромко, поерзав на стуле, - С Неволина сняты все обвинения?..

- Дело закрыто, да... Но...

- Что?..

- Открыто другое. На вашего отца.

- Он в коме.

- Я знаю. Если он выйдет из больницы, вам придется пройти процедуру допросов и суда над ним с самого начала.

- А если не выйдет?..

Он как-то неопределенно ведет плечом и склоняет узкую, вытянутую вверх, голову набок.

- Со смертью обвиняемого уголовное преследование чаще всего прекращается.

- А... - оборачиваюсь уже в дверях, - Вы не знаете, у Неволлина сейчас все в порядке?..

- Я не знаю, Майя Михайловна.

- До свидания.

Мне становится легче. Правда. Владу больше ничего не угрожает, и это главное. Отцу, судя по всему - тоже. Хуже, чем ему сейчас, уже не будет.

Можно выдохнуть и забыть об этом кошмаре раз и навсегда. Но вместе с ним придется забыть и о нем. О Неволлине.

Он больше не хочет меня в своей жизни, и умом я готова понять и принять это его решение. Но хотя бы поговорить мы могли.

Шагаю по тротуару, на ходу запрыгиваю в отъезжающий автобус и еду на работу. Да, я близка к тому, чтобы окончательно отпустить его, но маленькая обласканная им девочка внутри меня вопит от обиды и несправедливости.

За он так со мной?! Что я сделала?.. Неужели жалко для

меня последнего слова?

Мою новую напарницу зовут Юлей. Она невысокая, очень скромная, с потупленным взглядом и небольшим дефектом речи. Но при этом очень упорная и ответственная. Общий язык мы находим сразу. Она слушает ту же музыку, что и я, любит те же фильмы. У нее тонкое чувство юмора и, несмотря на стеснительность, способность мгновенно найти подход к любому покупателю.

- Майя! - зовет негромко одновременно с трелью входного колокольчика.

Я быстро проглатываю чай, вытираю губы салфеткой и выхожу в зал. У прилавка в полоборота стоит Саша, парень Леры. Замечает меня не сразу - посмеиваясь, расслабленно разговаривает с кем-то по телефону. Потом, издав смешок, отключается и поворачивает ко мне голову.

- Привет, - здороваюсь я сипло.

Он замирает. Смотрит на меня так, словно видит привидение, а затем, осознав, что я живая, разворачивается к выходу.

- Саша! - окликаю его, но он даже не реагирует, - Саш, подожди!

Выбегаю из-за прилавка и, не обращая внимания ни на Юлю, ни на покупателя, которого она обслуживает, бегу за ним.

- Саша!.. - кричу уже на улице.

- Иди на хер, - бросает он через плечо и садится в машину.

Я остаюсь стоять там, где меня настигла эта фраза. Хватая воздух ртом, молча наблюдаю за тем, как отъезжает его седан, и теряются в общем автомобильном потоке сигнальные огни.

Что это такое?! Что это было сейчас?!..

Что происходит?!

Почему меня всегда все ненавидят?..

- Это твой парень? - тихо спрашивает Юля, когда я возвращаюсь в салон.

- Прости... Нет, это парень моей бывшей подруги.

- А-а-а... ясно...

Ничего ей не ясно, и наверняка появилось еще больше вопросов, но наседать она с ними не станет. Поэтому мы и подружились.

Юля отстает, а в моей голове зреет решение, которое к концу рабочего дня трансформируется в железную решимость.

Я найду его. Я найду Влада и потребую объяснений. Пусть скажет, чем я заслужила такое презрение.

Глава 7

Майя

Целых три дня мне требуется на то, чтобы набраться смелости поехать в его квартиру. Каждый раз, когда я представляю нашу встречу, во мне поднимается волна тошнотворной паники. Потому что я безоружна перед его ненавистью и боюсь, что она ранит сильнее, чем я могу представить.

Однако в понедельник я во дворе его дома. Машин мало. В подъезде тихо. Я не знаю, почему выбрала именно этот день, может, подсознательно надеюсь, что его не окажется дома, может, действительно еще не готова.

Остановившись перед дверью его квартиры, пытаюсь унять бешеное сердцебиение, а потом нажимаю на кнопку звонка. Слышу трель, но кроме нее - ничего. Звоню снова. И снова. И снова. Его нет. Я зря приехала.

- Наверное, нет дома, - раздается позади женский голос.

Я настолько взволнована, что не услышала, как из квартиры напротив кто-то вышел.

- Здравствуйте, - оборачиваюсь я и узнаю соседку Влада, которой Славка мне велел отдать ключи, когда я уходила.

Женщина, хмурясь, смотрит на меня из-за приоткрытой двери.

- Он редко здесь появляется.

- Но появляется?

- Редко, - повторяет она.

Я стою под дверью, надеясь неизвестно на что, еще какое-то время, а потом ухожу. Решаю поехать в торговый центр, чтобы помочь с работой маме, но неожиданно для самой себя передумываю. Мне нужно еще раз побывать на базе Влада, и клянусь, это будет моя последняя попытка увидеться с ним. С завтрашнего дня начнется моя новая жизнь.

Доезжаю до конечной остановки на автобусе и потом, как это было в последний раз, еще сорок минут иду пешком по неасфальтированной дороге. Мимо меня то и дело, не снижая скорости, проносятся легковые автомобили и грузовики, заставляя задыхаться выхлопными газами и пылью, которая к моменту, когда я добираюсь до ворот базы, скрипит на зубах.

На этот раз одна большая воротина приоткрыта. Я останавливаюсь и заглядываю в образовавшийся проход шириной в одного человека. Во дворе суета. Я насчитываю больше десяти заведенных машин и нахожу взглядом внедорожник Влада среди них.

Сердце проваливается в пятки. В ложбинку между грудей стекает пот. Я поправляю лямку рюкзака на плече, делаю шаг на территорию базы и вдруг вижу, как прямо на меня быстрым, переходящим время от времени на бег шагом, несется парень в промасленном комбинезоне.

Махнув на меня рукой, чтобы ушла с дороги, он наваливается на приоткрытую воротину, со скрипом открывает ее

настежь и фиксирует распорками в земле.

- Отойди, щас поедут... снесут... - бросает отрывисто.

- Эмм... привет...

Всем телом упав на вторую половину ворот, он открывает и ее.

- Ты не знаешь... - начинаю было я, но тут же меняю тактику, - Мне нужно увидеться с Владом.

- Отойди, говорю!..

В этот момент машины, все те, что я насчитала во дворе, одна за другой, начинают разворачиваться и двигаться прямо на меня.

- Неволин!.. - выкрикиваю в отчаянии, - Мне нужно поговорить с Неволиным.

- Давай - давай!.. - снова машет на меня рукой, веля, чтобы я освободила проезд.

Я отскакиваю в сторону, едва не впечатываясь лопатками в пыльные ворота и вижу, как мимо меня проезжает джип Влада. Сам он за рулем, я вижу только ничего не выражающий профиль. Рядом с ним неизвестный мне мужчина - говорит что-то, активно жестикулируя и закрывая мне обзор. Машина выезжает с территории, поворачивает на дорогу и, даже не притормозив, движется дальше.

Я забываю, как дышать. Тупая боль занимает собой всю грудную клетку, не позволяя пошевелиться, не то, что кричать и бежать за ним.

Следом выезжают остальные автомобили. Их одина-

дцать. В предпоследнем седане я вижу Славку. Он один в машине. Наши взгляды пересекаются на мгновение, но ничто не говорит о том, что он узнал меня. Отвернувшись, он проезжает мимо, как ни в чем ни бывало.

Парень, тот, что открывал ворота, выбегает, чтобы закрыть их.

- Неволин уехал!.. Оба!.. Отойди!.. - снова бросается рублеными фразами.

- Ясно...- выдыхаю тихо себе под нос.

Кажется теперь мне все ясно. Кажется теперь у меня не появится желания выяснять еще что-то. Кажется, хватит.

Домой я не тороплюсь. Тащусь по пыльной дорге до конечной остановки транспорта примерно час. Потом одна сижу на лавке в ожидании автобуса еще примерно столько же. Пялюсь прямо перед собой, чувствуя пустоту внутри и безуспешно пытаюсь проглотить болезненный ком в горле.

Хватит стучать в закрытые двери. Хватит.

Хватит лелеять надежды и ждать.

Он не придет. Он ничего мне не скажет, потому что ему нечего сказать. Он не оставил мне шанса, так зачем я буду его вымалить? Чтобы услышать, что все проблемы в его жизни носят мое имя?.. Я это и без него знаю.

Нужно успокоиться и отпустить. Он вырезал меня из своего окружения?.. Что ж, я навязываться не буду.

Вечером, уже перед самым закрытием, приезжаю в торговый центр, в бутик, в котором работает мама. Ее осаждают

покупатели, поэтому, быстро переодевшись в форменную голубую футболку, я включаюсь в работу. Говорю и действую на автомате, на время заблокировав боль в груди. Мне придется научиться жить с этим, справляться с ощущением пустоты внутри и собирать себя по кусочкам.

- Где ты ходила полдня? - спрашивает меня тут же, едва появляется такая возможность.

- Нигде.

- Что там с твоим отцом? Елена звонила сегодня?..

Я вспоминаю о нем только сейчас, и нет, Елена Николаевна не звонит уже два дня.

- Нет.

- Позвони ей сама.

Я собираюсь набрать ее, едва мы с мамой после закрытия бутика выходим на улицу. Она отходит, чтобы купить нам по мороженому, а я нахожу телефон в рюкзаке, и в этот самый момент он сам начинает звонить в моей руке.

Елена Николаевна.

- Слушаю. Здравствуйте.

- Здравствуй, Майя, - говорит она обычным для нее официально - прохладным тоном, - Твой отец умер. Мне только что позвонили из больницы.

Я сбиваюсь с шага. Мгновенно потерявшись в пространстве, озираюсь по сторонам.

- О, господи...

- Врачи предупреждали, что ему недолго осталось. Поче-

му ты удивляешься?

- Я... я не удивляюсь...

- Держи, - говорит подошедшая с мороженым мама и взглядом показывает на телефон в моей руке.

- Что теперь делать? - спрашиваю я у Елены Николаевны.

- Хоронить, очевидно, - говорит она, и мне слышится в ее голове намек на усмешку.

- Чем я могу помочь?

- Сможешь завтра утром приехать?

- Смогу.

- До свидания, - прощается лаконично и отключается.

- Кто это? Елена? Что случилось?.. - набрасывается мама, как только я убираю телефон в карман.

Наверное, вид у меня такой, что становится ясно - случилось что-то серьезное.

- Цариев умер.

Глава 8

Майя

Когда на следующее утро я приезжаю в квартиру своего отца, там посторонние люди. Организатор похорон и распорядитель самой траурной церемонии. Я не знаю, зачем Елена Николаевна велела приехать еще и мне.

- Из родственников у него только сестра, с которой он не общался много лет. Я не знаю, где ее искать.

- И все?..

- Все. Родителей его давно не стало.

Как такое могло получиться?.. Что столь могущественный влиятельный человек под конец жизни остался таким одиноким? Не поэтому ли он был так одержим идеей сделать меня своей дочерью?.. Может, чувствовал, что ему уже недолго осталось?..

- Мои мама и бабушка хотят прийти на похороны, - передаю их пожелание.

- Пусть приходят, - отзывается Елена Николаевна равнодушно, - Народу все равно мало будет.

- У вас есть деньги на...

- Похороны? Да, он давно запер их в сейфе и сказал мне код.

- Хорошо.

- И Майя... После похорон тебе будет необходимо обра-

титься к нотариусу.

- Зачем?.. - спрашиваю я, на самом деле уже зная ответ.

Моя мама давно проконсультировалась с юристом и рассказала мне, как проходит процедура вступления в наследство. Как ни противилась я этой информации, она осела в моей голове.

- Чтобы узнать, оформил он завещание на тебя или нет.

- Мне ничего не нужно. Я не хочу от него ничего.

- Никто не спрашивает, хочешь ты или нет, Майя, - проговаривает она негромко, но достаточно жестко для того, чтобы у меня не осталось сомнений, что ее намерения более, чем серьезны, - Если деньги не нужны тебе, они должны принадлежать Насте. Ей нужен опекун и пожизненный уход.

- Я понимаю. Вы хотите стать ее опекуном?

- Я?.. Нет, упаси господь, - смеется Елена Николаевна, и, пожалуй, это впервые, когда я вижу, как она это делает, - Я согласна быть ее сиделкой, как это было раньше. При условии достойной оплаты, разумеется. Но опекуном - нет.

- Почему?..

- Мне это не нужно. Устроит такой ответ?

- Я не понимаю...

- Будет еще одно небольшое условие для того, чтобы я осталась ходить за Настей.

- Какое?

- Эта квартира. Я считаю, она по праву принадлежит мне, - проговаривает она, гордо вскинув подбородок, - Эта квар-

тира моих родителей.

- Конечно, - мотаю головой, - Я на нее не претендую и перепишу, если выяснится, что Олег Александрович завещал ее мне. Только вы ведь можете стать хозяйкой всего его имущества, а не только этой квартиры, если согласитесь стать опекуном Насти.

- Мне, как и тебе, - усмехается Елена Николаевна, понизив голос, - Ничего от него не нужно. Я знаю, как он нажил это имущество. Но ты, Майя, должна распорядиться так, чтобы его хватило Насте на всю жизнь.

Мое горло саднит. Я прочищаю его и киваю.

- Как вы думаете, зачем все это мне?..

- А мне?..

- И вам, - соглашаюсь я.

- Мы обе заложники ситуации, и от нас зависит дальнейшая судьба больной девочки.

Я снова киваю. Тут она права. Как ни крути, даже не смотря на то, что нас связывает Цариев, Настя мне единокровная сестра. Чтобы она осталась сиротой и, не дай бог, попала в приют для инвалидов, я хочу меньше всего на свете.

- Сначала узнаем, что с завещанием, - повторяю я недавно сказанные мне Еленой Николаевной слова.

А ночью ко мне снова приходят кошмары. Я вижу отца в гробу Влада около гроба. В следующем кадре отец уже живой и, вцепившись в мое запястье, тянет меня куда-то за собой в темноту. Я пытаюсь сопротивляться, звать на помощь, но

ни мышцы, ни голос меня не слушаются. Я просыпаюсь, пью холодную воду, брожу по квартире, а когда снова засыпаю, кошмары возвращаются и мучают меня до утра. В пасмурное сырое утро я вхожу разбитой.

- Что ты наденешь на похороны? - спрашивает мама, когда я развожу в кипятке растворимый кофе, - Тебе нужно купить платье.

- Не надо.

- Я приглядела себе черное, как раз для подобного случая, - продолжает она, не обращая внимания на мой настрой.

- Ты приглядела его, когда он еще был жив?

- Конечно!.. О таких вещах нужно думать заранее, потом бывает не до этого.

- Зачем тебе идти на похороны?..

- Почему нет? - взлетают ее брови, и я тут же вижу ее у гроба в строгом черном платье и с точно таким же выражением лица.

Явится туда как победительница, даже учитывая то, что он презирал ее всю жизнь.

Тяжело вздохнув, я добавляю молока в чашку и сажусь за стол. Бабуля, глядя пустым за окно, размешивает сахар в чае.

- Во-первых, он отец моей единственной дочери.

- Он не признавал меня больше двадцати лет, - напоминаю я.

- Плевать, - отмахивается мама, - Ты сломала его принципы одним своим существованием. Я уверена, что он не за-

бывал тебя ни на минуту.

А я нет. Цариев был высокомерным и крайне тщеславным. Когда-то он прибрал в руки все имущество своей покойной жены и ее родителей и оставил ни с чем Елену Николаевну. Ему важно было уйти из жизни в статусе хозяина - чтобы в наследнике всего, что он успел присвоить, текла его кровь. Вот он и вспомнил про меня.

- И потом, - добавляет мама, немного подумав, - Не буду скрывать, мне будет приятно видеть его в гробу. Все-таки он был редкостный мудака.

Похороны проходят на четвертый день после его смерти. Зависшее высоко в небе солнце припекает открытые участки кожи. Все идет гладко и ровно, чересчур спокойно для такого мероприятия.

Пришедших проводить его в последний путь очень мало - гораздо меньше, чем я могла предположить. Из чего я делаю вывод, что моего отца не любили.

Его сестра, контакт которой Елена Николаевна нашла каким-то чудом, стоит поодаль с двумя гвоздиками в руках и смотрит куда угодно, только не на почившего брата. Никто не плачет, никто, кроме распорядителя церемонии прощания, который заливается печальным соловьем, не говорит добрых слов. Ни в чьих глазах нет и тени скорби.

Люди пришли отдать дань памяти, свой гражданский долг человеку, с которым были знакомы. И живых цветов на свежем холме собирается совсем немного.

- Вот и все, - вздыхает тихо мама, поправляя прядь завитых волос, - ты его даже узнать как следует не успела.

Я молчу.

Шагаю рядом с ней по отсыпанной щебнем дорожке, держась взглядом за строгий затылок Елены Николаевны.

Лучше бы я его совсем не знала. Зачем он появился в моей жизни?

Глава 9

Майя

- Да... Нет... - отвечаю односложно на каверзные вопросы покупателя относительно шестизначного номера.

- Но теперь мне придется платить по двум счетам? Как проходит оплата?

- Ежемесячный платеж будет списываться с вашего основного счета так же, как и за федеральный номер, - проговариваю на автомате.

- А если, к примеру, я им не пользуюсь целый месяц, то платить все равно нужно будет?..

События последних месяцев, и особенно последних пяти дней выпотрошили меня морально и физически. Во мне не осталось ничего живого, кроме оболочки, которая еще каким-то чудом функционирует, создавая иллюзию нормального существования.

- Да, деньги спишутся в любом случае.

Грузный мужчина в кепке набекрень и густо пахнущий едким одеколоном, недовольно поджимает губы. Думает несколько мгновений, отстукивая пальцами чечетку по прилавку, а потом убито вздыхает:

- Ладно, оформляйте.

На это уходит все оставшееся до конца моей смены время. Потом приходит Ренат и Вика, которые работают с обеда до

вечера, мы с Юлей передаем им кассу и отправляемся каждый по своим делам. Она домой, а я - к маме в бутик одежды.

Первой на улицу выходит моя напарница. Я следом. Придерживаю дверь и становлюсь на месте как вкопанная, потому что прямо напротив входа, пренебрегая правилами дорожного движения и общественного порядка, заехав передними колесами на тротуар, стоит внедорожник Влада.

Сам он, опираясь бедрами на капот, смотрит на меня открытым, но абсолютно пустым взглядом.

Внутри все обрывается. Ухает вниз с сумасшедней скоростью и застывает.

- Это к тебе? - догадывается Юля.

- Пока, - беззвучно шевелю губами.

Приехал. Он приехал. Вот так просто, посреди рабочего дня во вторник. Когда я смогла себя убедить, что тогда, у его базы, я видела его в последний раз.

Замерзший в легких воздух давит на грудь. Я жадно охватываю взглядом весь его образ и прихожу к выводу, что он изменился. Это не тот Влад, с которым я была в его квартире. Чужой, совершенно незнакомый человек, на которого мое сердце тем не менее реагирует по прежнему.

И энергетика. Она все та же, но словно в разы холоднее. Я вижу ее буквально, чувствую каждым рецептором, но она больше не окутывает меня. Клубясь в темном сгустке, держится в стороне.

- Мне сказали, ты искала меня, - говорит он негромко, не

заботясь о том, что из-за расстояния между нами я могу не расслышать его.

Но я слышу. Слышу ушами, глазами и всем сконцентрированным на нем сознанием.

- Искала, - отвечаю сипло.

Подбородок Влада чуть заметно выдвигнется вперед.

- Есть, что сказать?

По тротуару между нами пролетает доставщик еды на самокате, следом за ним велосипедист, а потом еще кто-то. Я сглатываю боль в горле и делаю несмелый шаг.

- Есть. Вернее, спросить.

Он молчит. Я знаю, что Левша не любитель встречных вопросов, поэтому продолжаю, держа взгляд на его переносице.

- Я хотела спросить...

Говорить с каждым словом все сложнее, тем более о таком. Я ведь ждала этой встречи и боялась ее одинаково сильно, но несмотря на идущий ознобом по коже страх, я найду в себе силы ей порадоваться. В любом случае это определенность, которой мне так не хватало.

- Я хотела спросить, что изменилось... между нами?..

Влад кривится, словно я ненароком наступила на большую мозоль, а потом, склонив голову набок, так же негромко проговаривает:

- Ты меня разочаровала.

Выстрел прямо в сердце. Пуля застревает в нем и выжи-

гает его дотла.

- Чем же?

- Я ждал от тебя слишком многого, но это уже не важно.

- Что ты ждал?.. - заикаюсь сиплым бесцветным голосом,

- Почему не важно?

- Не ходи за мной. Нет смысла.

Налетевший горячий ветер бросает пряди мне в лицо, а изнутри идет могильный холод.

- Почему, Влад?!

- Налаживай свою жизнь, - говорит он ровно, без намека хоть на какую-нибудь эмоцию, - У тебя все в порядке.

И прежде, чем я успеваю сказать ему еще хоть слово, отталкивается от машины и, развернувшись, идет к водительской двери.

- Влад! - кричу в спину, - И это все?! Это, по-твоему, разговор?!

Он дергает за ручку и оборачивается через плечо.

- Я не собирался с тобой разговаривать.

Как?!.. Это что, все?!.. Конец?!

Неволин садится за руль и, больше не бросив на меня ни одного взгляда, сдает назад и ловко вливается в автомобильный поток.

Я остаюсь стоять там, где он меня оставил. Долго смотрю туда, где исчез его внедорожник, и только потом вспоминаю, что мне необходимо дышать. Делать это крайне затруднительно, потому что если до нашей встречи я чувствовала

себя выпотрошенной пустой оболочкой, то сейчас от меня даже мыльного пузыря не осталось.

Он уничтожил то, что раньше было мной.

Я разворачиваюсь к магазину, бездумно пялюсь на вывеску несколько минут, но затем, вспомнив, куда шла, шагаю к центральному входу в торговый центр. Однако, прежде чем вскочить на эскалатор и подняться к маме, я покупаю кофе в автомате. Мне нужно прийти в себя и вернуть хотя бы видимость нормальности.

«Ничего не случилось. Ничего не случилось...» - повторяю как молитву.

Я не узнала ничего нового.

Он приехал подтвердить то, к чему я и так была готова. Меня вышвырнули как напакостившего котенка. Да, не все умеют испытывать нежные чувства к тому, кто каждый день переворачивает твою жизнь с ног на голову.

Отпиваю горячиц кофе и раскатываю по языку горечь.

Я его разочаровала?..

Что ж, я тоже разочарована! Я разочарована тотально!..

Чертов Левша ввел меня в заблуждение, когда заставил думать, что между нами что-то важное. Настоящее. Он, мать его, обманул меня!..

Глотаю кофе, обжигая горло, и трясусь от ярости.

Боже!.. Да, пошел он!

Да. Пошел. Он.

Пусть хоть отравится своим разочарованием - мне пле-

вать. Я не обязана была оправдывать его ожидания!.. Слишком проблемная?! Слишком слабая для него?! Пусть!..

Я такая, какая есть!..

Слезы жгут глаза, и вместо того, чтобы успокоиться, я все ближе к истерике. Допиваю напиток, в сердцах комкаю бумажный стаканчик и бросаю его в стоящий неподалеку бак. А потом поднимаюсь на третий этаж и шагаю к бутику одежды, в котором работает мама.

Я справлюсь. Справлялась с вещами и похуже - справлюсь и с разбитым сердцем. Это не смертельная болезнь, с этим можно жить. И со знанием, что я его разочаровала, я тоже как-нибудь смирюсь.

Пусть катится в ад!..

Идеальный, мать его!.. Неуязвимый и несокрушимый.

Мне достаточно знать, что он на свободе, жив и здоров.

А с остальным я справлюсь.

Глава 10

Майя

Завещание Цариева обнаружилось. Как и предполагала Елена Николаевна, все свое имущество, он оставил мне. За одним только исключением - квартиру ее родителей он завещал Насте.

Вот так!

Хитрый паук продолжал подкидывать проблемы с того света, но умышленно или нет, сыграл мне на руку. Отец, видимо, знал, какое значение эта недвижимость имела для Елены Николаевны и, решил привязать ее к Насте хотя бы этой квартирой.

Прошло две недели с его оглашения, а у меня все еще нет в голове четкого плана действий. Я консультировалась с юристом, объяснив всю ситуацию, но ничего толкового, что полностью бы устроило и меня, и Елену Николаевну, он мне не сказал. Предложил продать всю недвижимость и положить деньги на счет в банке, средства с которого пойдут на содержание Насти, квартиры и оплату услуг ее няни. Или перепоручить опеку на ней государству.

Ни то, ни другое не устроило меня в полной мере. Я испугалась, что инфляция съест не только проценты от счета, но и в итоге весь счет. А об отказе от Насти и вовсе речи быть не может.

В итоге вопрос повис в воздухе - по крайней мере до момента моего вступления в права наследования. Елена Николаевна согласилась смотреть за сестрой полгода бесплатно, потому что, как выяснилось, Цариев платил ей столько, сколько сейчас зарабатываем мы вместе с мамой.

- Майя, - тихо зовет она меня, когда в павильон заходит женщина.

Я тут же выхожу в зал и, выпрямив спину и нацепив на лицо доброжелательную улыбку, здороваюсь с ней.

Внезапно выяснилось, что ежедневно работать с людьми, стараться им угодить и держать лицо, когда внутри все сжимается от боли и не хочется никого видеть, это не то, чем я мечтаю заниматься всю жизнь. Как правило, к вечеру я чувствую себя как выжатый лимон. А утром все повторяется, и так изо дня в день, неделя за неделей. Черета заполненных суетой и чужими лицами будней, и ни единого повода для улыбки.

Я жду, когда пройдет. Когда отпустит, и я снова научусь радоваться мелочам, захочу заводить новые знакомства и стану думать о будущем с надеждой. Но время идет, и пока ничего не меняется.

- Мне нужно что-то более строгое, - говорит потенциальная покупательница, когда я показываю ей платье, - Я иду на официальное мероприятие.

- Хорошо.

Мы переходим к другой стойке, и я начинаю предлагать

ей варианты нарядов.

- Жакет?.. Рубашка?..

- Давайте выберем рубашку и брюки.

- Отлично, - киваю я и вдруг замечаю боковым зрением знакомую фигуру.

Мозг, еще даже не разобравшись, кто это, врубает сирену. Мое сознание реагирует так на все, что связано с прошлой жизнью. Я резко разворачиваюсь и вижу шагающего мимо павильона Макса. Он идет, не спеша, что-то читая в телефоне и держа кожаную куртку в опущенной руке.

Мое сердце врезается в грудную клетку, несмотря на то, что он не тот, кого я надеялась увидеть. Я застываю на месте, и мой бывший тренер, словно это почувствовав, вдруг поворачивает голову и смотрит в мою сторону. Наши взгляды пересекаются. Макс, чуть сбившись с шага, молча кивает и исчезает из зоны видимости.

- Так что на счет рубашки? - осведомляется покупательница, - Вы поможете мне?..

- Разумеется.

Сколько еще таких вот приветов из той моей жизни я буду получать?.. Город не такой уж и большой, и время от времени мне нужно быть готовой к неожиданным встречам. Придется с этим смириться.

В итоге она покупает не одну, а сразу две белые рубашки и брюки. Потом приходят еще клиенты, и еще... Время за работой проходит незаметно, а когда до конца рабочего дня

остаётся всего полчаса, в магазин заходит Макс. В черной майке и уже без кожаной куртки. Не делая вид, что оказался тут случайно, он идет напрямик ко мне.

Я даже поздороваться забываю, настолько ошарашена его появлением.

- Привет, - говорит он, глядя четко в мои глаза, - Работаете здесь?

- Да.

Если он пришел сказать, чтобы я не вздумала приходить в его зал, так я, блин, и не собиралась! Мне ясно дали понять, что в окружении Влада мне не рады.

Макс сощуривает глаза и внимательно, словно что-то выискивая в них, смотрит в мои глаза.

- Почему в зал больше не приходишь?

- Разве он не закрыт? Я была там пару раз... какое-то время назад... Он был закрыт.

- Сейчас открыт. Уже давно.

Я теряюсь, не зная, что говорить. Макс, возможно не знает, что Влад вычеркнул меня из своей жизни, и в места, где он бывает, мне вход закрыт.

- Мне... - мямлю, пытаюсь облечь мысль в слова, - Мне нельзя там появляться.

- Майя?.. - раздаётся взволнованный мамин голос, - Все нормально?

- Это Максим, - представляю его на случай, если она подумала, что это Неволин, - Он учил меня приемам самообо-

роны.

Складка между ее бровями разглаживается. Смерив его предупреждающим взглядом, она отходит. А Макс продолжает смотреть на меня, даже не глянув на нее.

- Почему нельзя? Есть противопоказания?..

У меня даже смешок отпустить получается. Я провожу рукой по волосам и проговариваю:

- Ты же знаешь, что мы с Владом уже не вместе.

- Знаю.

- Мне не велено появляться в тех же местах, где бывает он.

В павильон заходят две покупательницы, и нам приходится отойти в сторону, чтобы не мешать и не привлекать ненужного внимания. На лице Макса ничего, кроме интереса к вопросу, который он задал. А вот мне сильно не по себе - говорить о личном с почти посторонним человеком не добавляет уверенности и царапает наболевшее в груди.

- При чем тут он?..

- Ты не понимаешь?

- Зал теперь мой. Я выкупил его у него.

Вот как, значит. А я даже не знала, что он принадлежал Левше. Хотя это и не удивительно, учитывая, какую власть он в нем имел.

- И... - на щеках вспыхивает жар, когда я понимаю, к чему он клонит, - И ты предлагаешь мне снова ходить туда?..

- Ты не хочешь? Мне казалось, ты была заинтересована.

- Да.

Мне действительно очень нравилось заниматься. Не сразу, но я втянулась и полюбила напряжение в мышцах и ощущение силы в них. Признаться, сейчас я тоскую по нагрузкам.

- Сколько это будет стоить, если я буду приходить два раза в неделю?

Максим заламывает бровь, на мгновение отводит взгляд, а потом проговаривает:

- Вход свободный.

- Это зал для малоимущих? - пытаюсь состричь я.

- Вход свободный. Для тебя.

Глава 11

Мая

- Он рассказывал мне, что живет в доме правительства, - шепчет мама, когда потянув массивную входную дверь на себя, я пропускаю ее в холл дома Цариева.

- Это не правительственный дом.

- Это я потом поняла, - говорит она тихо, - Сначала я думала, что его квартира в здании, где заседает наше местное правительство, а оказалось, что она в доме, где еще в советские времена выделяли жилплощадь разным шишкам.

- Угу..

Мы идем по холлу мимо молчаливого, но зорко наблюдающего за нами консьержа, и звук наших шагов отлетает от стен гулким эхом.

- Здравствуйте, - киваю я, на что мне традиционно не отвечают.

Никто не предупреждал охрану и консьержей, кем я прихожусь Цариеву, и видимо, они справедливо полагают, что я что-то вроде обслуживающего персонала.

- Охренеть, - выдыхает мама, когда мы входим в огромный, отделанный зеркалами лифт.

Она напросилась сегодня пойти со мной к Насте. Ни я, ни Елена Николаевна не увидели в этом ничего предосудительного. Мне придется общаться с сестрой всю жизнь, так по-

чему не познакомить ее с моей мамой?..

Нам тут же открывают и приглашают войти внутрь.

- Ирина, - представляется мама в полный голос и протягивает руку.

Елена Николаевна едва заметно морщится, словно все громкие звуки доставляют ей физический дискомфорт.

- Елена Николаевна, - проговаривает ровно и тихо со сдержанной полуулыбкой. И руки при этом не подает.

Так аристократы ведут себя с челядью, жаждущей казаться аристократами. Однако моя мама этого не замечает или, как обычно, делает вид, что не замечает. Не стесняясь, озирается по сторонам и разувается прямо у порога.

У Елены Николаевны есть повод ее не любить и сейчас мне становится любопытно, почему она позволила ей прийти сюда. Чисто женское любопытство?.. Хочется вживую взглянуть на ту, с которой Цариев изменял своей жене?.. Из-за кого он рискнул положением и всем, что ему сулил выгодный брак?

- Настя в своей комнате, - проговаривает она на одной ноге, продолжая смотреть на нас чуть свысока.

Мы с мамой моем руки в роскошной ванной, а потом идем к моей сестре.

Я прихожу к ней примерно раз в неделю. Она меня, кажется, узнает. Задерживает взгляд на моем лице, иногда слушает, о чем я говорю. Но в глаза не смотрит и никогда не отвечает, хотя Елена Николаевна утверждает, что она умеет

разговаривать простыми предложениями.

Сейчас Настя сидит в кресле и листает детскую книжку с листами из плотного картона и крупными яркими картинками.

- Настя, привет, - подаю голос сразу, едва мы входим в ее комнату.

Девочка перелистывает еще пару страниц, а только потом поднимает голову и смотрит на нас, не глядя при этом ни на кого конкретно.

- Она утром себя неважно чувствовала, - предупреждает Елена Николаевна, - Не шумите, пожалуйста, и не приставайте к ней с расспросами.

- А почему тут так темно и душно? - спрашивает мама, нахмурившись, и уже было делает шаг в сторону окна, чтобы поднять жалюзи, но я ловлю ее за руку в последний момент.

- Настя не любит яркого света, у нее от него болит голова.

- Конечно, если она все время сидит в темноте. Тут же дышать нечем!..

- Мама!

Словно опомнившись, она тут же успокаивается и полностью сосредотачивается на Насте.

- Настя... Настенька, здравствуй.

Смело, не обращая внимания на шиканье Елены Николаевны, подходит к креслу и присаживается около него на корточки.

- Почему вы здесь не проветриваете? Дышать же нечем!

- У Насти, - прощается горло тетя девочки, явно борясь с раздражением, которое у нее вызывает поведение моей мамы, - У нее слабый иммунитет, она боится сквозняков.

- То есть она и на улице не бывает?

Я подхожу к креслу и опускаюсь на стул рядом с ним. Иногда он бывает перевернут, когда я захожу в комнату, Настя порой любит бросаться вещами и даже мебелью.

До ответа на вопрос мамы никто не снисходит. И она, не заостряя на этом внимания, снова обращается к девочке.

- Ты любишь книжки, Настя? Я тоже иногда читаю, правда не очень часто, потому что работаю допоздна...

Настя не реагирует, но и листать перестает.

- Это пингвин, - говорит мама, показывая пальцем на картинку.

- Она знает животных, - подает голос Елена Николаевна.

Сестра словно задумывается о чем-то своем, а потом перелистывает страницу.

- А это панда, - произносит мама, - Она живет в Китае.

- Китае, - вдруг проговаривает Настя тихо и снова, будто смакуя слово, повторяет, - Китае...

- Да. Все панды в мире считаются собственностью Китая.

- Китая... - повторяет Настя.

Я почти не дышу, наблюдая за первым на моей памяти контактом сестры с кем-либо из людей. Ее взгляд отрывается от книги и перемещается на сложенные на подлокотнике кресла руки мамы. Елена Николаевна подходит ближе, что-

бы посмотреть, что происходит.

- Не делайте резких движений и не говорите громко, - проговаривает она еле слышно, - Настя может испугаться.

- Давай дальше... посмотрим, кто там есть еще...

Девочка перелистывает страницу и смотрит на картинку, на которой изображен страус.

- Кто это?.. - спрашивает мама.

- Кто это? - повторяет она.

- Это страус.

- Птица, - говорит Настя.

- Да, верно, - смеется мама, - Ты большая молодец!

Сестра не поддерживает веселья, но я впервые вижу в ее взгляде не только пустоту.

- Да откройте, наконец, окно!

- Нет, - поджимает губы Елена Николаевна.

Мама общается с Настей почти полчаса!.. Моментами их контакт как будто прерывается, но потом сестра снова вовлекается в беседу.

- Хорошая девочка, - резюмирует она, когда мы выходим из комнаты.

Я немного в шоке и всерьез задумываюсь над тем, чтобы и самой пытаться общаться с ней. Пусть не с первого раза, но вдруг у меня получится!

- У вас есть специальное образование? - спрашивает Елена Николаевна, продолжая смотреть на маму свысока.

- Господи, да какое еще образование, если...

- Вы можете приходите еще, - перебивает она, - Разумеется, если захотите.

- Конечно, приду. Что ей принести? Что она любит?

- Ничего особенного. Она аллергик.

- Тогда я принесу простое печенье в виде животных. Крекер же ей можно? - интересуется мама, обуваясь.

- Думаю, да.

Мы выходим из квартиры Цариева, спускаемся на лифте и шагаем по улице, и все это время она громко возмущается.

- Аллергик, иммунитет слабый, света солнечного боится!..

Да они сами угробили девчонку.

- Мам, у нее диагноз...

- С диагнозами можно работать!..

- К ней приходят массажист и дефектолог.

- Ей нужны не массажисты и дефектологи, а простое человеческое тепло.

Я усмехаюсь или, вернее сказать, улыбаюсь, потому что мне понравилось, какой была Настя с мамой. Впервые за долгое время в моей груди защемило от радости. Надеюсь у моей сестры сегодня тоже хороший день.

А потом, когда мама идет к ларьку, чтобы купить нам по рожку мороженого, достаю телефон из кармана, быстро нахожу в нем номер телефона, который дал мне Максим, и пишу ему сообщение:

«Привет. Напиши, пожалуйста, в какие дни тебе удобно, чтобы я приходила заниматься»

Глава 12

Майя

Целых две недели я думала над предложением Максима снова заниматься в зале и по тому, что он назвал мне конкретные два дня, в которые я могу приходить, я поняла, что он снова планирует тренировать меня.

Встав перед зеркалом в комнате, я поднимаю руки и сгибаю их в локтях. Ничего впечатляющего - хорошей мускулатурой я не отличалась даже в то время, когда посещала зал едва ли не через день. А теперь от моих былых навыков, верно, и вовсе ничего не осталось. Я не чувствую силы ни в душе, ни в мышцах.

Макс будет разочарован.

- И зачем тебе это? - спрашивает мама, заглянув в комнату, - Ты к вечеру и так без задних ног, а потом еще учеба начнется.

Так я этого и добиваюсь, неужели не ясно. Напряжения в теле, пота на коже, меньше поводов предаваться грусти и воспоминаниям.

Нет - нет, я очень хочу снова заниматься, и если Максим говорит, что я имею право приходить в его зал, значит я буду делать это. Только тревожит момент с тем, что я не спросила у него, ходит ли туда кто-нибудь из НевOLIИных. Надеюсь, с продажей зала, они забыли туда дорогу.

- Хочется, - отвечаю коротко.

- Думаешь... - она проходит к кровати и садится, положив ногу на ногу, - Этот... там появится?..

«Этот» - это Влад. Мама не знает, что думать о нем и как охарактеризовать. Она застряла где-то посередине между моими словами о нем и обвинениями, которые ему были предъявлены. Он для нее безликий криминальный элемент, с которым меня каким-то образом угораздило связаться.

- Нет.

- Ты же не ищешь с ним встреч?

- Нет, мам... Это не его зал.

Вижу по направленному на меня взгляду, что сомневается. Поджав недовольно губы, глубоко вздыхает и поднимается с кровати.

- Ты вся в меня пошла, - роняет она перед тем, как выйти за дверь, - Я тоже всю жизнь во всяких уродах влюбляюсь.

- Он не урод.

- Вот - вот, - хмыкает, словно я только что подтвердила ее слова.

Он не урод!.. Он тот, кто не дает поблажек и не прощает трусости. Я оказалась для него слишком слабой, и он убрал меня из своей жизни. Но он не урод.

Найдя в шкафу одежду для тренировок, я тщательно отутюживаю ее и складываю в рюкзак. Как только появится возможность, я куплю что-нибудь другое. Эту форму мне покупал Левша. Ни к чему продолжать пользоваться его по-

мощью.

На следующий день, сразу после окончания рабочей смены в салоне сотовой связи я на автобусе еду в зал. Пейзаж все тот же, за исключением жидкого газона по периметру парковки перед зданием и пары вазонов с петунией, обозначающих вход в него. Из машин только черный седан - я знаю, что это машина моего тренера.

Тяну на себя дверь и с колотящимся в висках сердцем спускаюсь по узкой лестнице в подвал. Слышу звук глухих размеренных ударов и сбитого мужского дыхания и, отодвинув в сторону одну из широких прозрачных полос, вижу, как по груше молотит мужчина средних лет. Поджарый, в хорошей физической форме. Рядом, сложив руки на груди, стоит Макс.

Дождавшись, когда он заметит меня, киваю в знак приветствия и юркаю вдоль стены в раздевалку.

Тут прохладно, и я даже еще не начала заниматься, а кожа уже покрыта испариной. Это от жуткого волнения и неверия. Я словно провалилась в свое прошлое. Все здесь, начиная со скрипа кожи и запаха пота до упругости прорезиненного пола под моими ногами напоминает о Неволине. И набирающее обороты волнение в груди тоже о нем.

Может, зря я пришла?.. Чтобы поскорее забыть, нужно оградить себя от всего, что связано с ним полностью.

Застыв на несколько мгновений в нерешительности, я все же начинаю передеваться. Облачаюсь в спортивную форму

и собираю волосы в высокий хвост.

- Ты поставил кулер? - замечаю я, выйдя из раздевалки.

- Да. Как настрой?

С улыбкой пожимаю плечами.

- Пока еще не поняла.

- Вставай на беговую дорожку, - велит он, потом посмотрим, что от тебя осталось.

- Наверное ничего, - смеюсь тихо, - Я не занималась все это время.

Мужчина, тот, что колотил грушу, когда я пришла, делает несколько подходов упражнений на пресс и, промокнув полотенцем пот, уходит в раздевалку. Кроме нас с Максимом в зале не остается никого.

Я бегу трусцой несколько минут, разогревая кровь и разминая мышцы. Дыхание сбивается.

- Отдохни, - говорит он.

Остановившись, я делаю несколько глотков воды и жду, когда успокоится пульс.

В голове вертится вопрос, ответ на который значительно успокоил бы меня. Однако, как задать его, не выдав своей заинтересованности, я не знаю.

- Я слышал, ты уезжала из города? - вдруг спрашивает Макс.

Мое сердце пропускает удар. В груди становится горячо. Говорить на эту тему мне всегда будет больно.

- Уезжала, да. Ненадолго.

Максим молча кивает, явно не намеренный продолжать разговор, а я пытаюсь спрятать разочарование за прикушенными губами. И когда он бросает взгляд на часы, я, испугавшись, что он больше ничего не спросит и, соответственно, не расскажет, интересуюсь:

- Ты откуда знаешь?

- Говорили.

Говорили обо мне. Кто?.. Влад? Или Славка?.. Сотня вспыхнувших в мозгу вопросов загораются красными лампочками. Беспокойство царапает в груди.

- Что говорили?..

- Я не в курсе, Майя, - сразу, едва почувствовав мой интерес, идет на попятный, - Мне ничего не известно.

- Но кто тебе сказал, что я уехала? Об этом никто не знал.

- Левша, - отвечает Макс, - Он сказал, когда... все это закончилось.

- Он...

- Идем, - зовет к стойке с боксерскими перчатками.

Мышцы ног перекачиваются под кожей, когда я шагаю за ним. Отвыкли от нагрузки.

- Он говорил что-то обо мне?..

- Давай руку.

- Рассказывал, почему я уехала?

- Слушай, - скидывает взгляд к моему лицу и сощуривает глаза, - Если твои тренировки на разок, чтобы узнать что-то о нем, то я пас. Давай, на выход.

- Нет!.. - восклицаю задушенно, - Я здесь, потому что хочу тренироваться.

- Тогда хорош пытаться меня! - повышает голос и, это, пожалуй впервые, когда он говорит со мной таким тоном.

Я замираю и едва не проглатываю язык. Меня действительно занесло.

- Я только хотела спросить.

- Я не справочное бюро! Сказал, что ничего не знаю, значит - не знаю.

- Прости.

Почти минуту он смотрит на меня молча, потом помогает надеть и зашнуровать перчатки. Все это время я пытаюсь проглотить застрявший в горле болезненный ком.

- Хотя бы скажи, что мне не придется с ним здесь пересекаться, - озвучиваю то, что волновало меня больше всего.

- Не придется. Он здесь не появляется.

Глава 13

Майя

- Новая коллекция совсем не продается, - сетует мама, осматривая стойки с одеждой,- Я не понимаю, зачем такой принт.

Мне тоже не нравится, и продажи действительно немного упали. Не все наши покупатели поняли новую стратегию после лаконичных тонов.

Сидя на пуфе посреди пустого зала, я вытягиваю ноги, наслаждаясь болью в мышцах. Это приятная боль, давно мне знакомая, мне нравится чувствовать свое тело, даже если оно болит от нагрузок.

Сегодня очередное занятие, и я считаю минуты до того момента, когда можно будет уйти отсюда.

В этот момент в магазин заходит покупательница, мама встречает ее приветливой улыбкой, а я, почувствовав вибрацию телефона в кармане, достаю его и вижу, что звонит Ренат из салона сотовой связи.

- Слушаю, - отвечаю негромко.

Поднимаюсь с пуфа и отхожу от мамы и покупательницы как можно дальше. Телефонные разговоры на рабочем месте не по делу не одобряются.

- Терминал для оплаты завис, - вываливает он сразу, - я не могу провести операцию.

Вот уже вторую неделю как техника сбоит. То программа виснет, то терминал.

- Перезагрузи.

- Операция не задвоится?

- Иногда бывает...

- Черт...

- Перезагрузи и не давай ему новую команду. Он может выплюнуть чек позже...

- Покупатель торопится. Ты же недалеко?.. Можешь подойти?

Я оглядываюсь на маму. Увлеченно рассказывая о новых трендах, которых, на мой взгляд не существует в природе, она предлагает блузку из новой коллекции и на меня внимания не обращает.

- Пять минут, - тихо предупреждаю я, проходя мимо нее.

- Что случилось? - настораживается тут же.

- Схожу в салон сотовой связи. Терминал не работает.

Мама, кивнув, возвращается к работе. А я спускаюсь по эскалатору на первый этаж, выхожу на улицу и, вдыхая горячий загазованный воздух, быстро шагаю к месту своей основной работы.

- Что... - начинаю было с порога, как вижу стоящую за прилавком рядом с Ренатом Леру.

Сдвинув брови, она заполняет договор с покупателем. Я заикаюсь и напрочь забываю, что хотела сказать. Моя бывшая подруга выполняет обязанности продавца и консультан-

та, как будто и не увольнялась вовсе.

- Привет, - произношу тихо, обходя прилавок и ее и оставившаяся около Рената, который по всей видимости все еще пытается разобраться с терминалом.

- Привет, ага... - отвечает она как ни в чем ни бывало.

Волнение скручивает живот - она снова работает тут, а это значит, между мной и Неволиными снова появился посредник. Совсем как тогда, когда она была для меня ценным и основным источником информации. Я надеюсь, Левша в курсе, что Лерка вернулась сюда, а то как бы не вышло проблем.

Мысленно усмехнувшись, я сосредотачиваюсь на проблеме с терминалом.

- Перезагружал?

- Да... Жду чек.

- Пару минут, - предупреждаю покупателя.

У меня была похожая ситуация, и я примерно представляю, как нужно действовать. Выдергиваю штекер из устройства. Жду минуту и вставляю его обратно.

- Попробуй теперь, - предлагаю Ренату.

- Я так уже делал.

- Нужно было подождать...

Парень перезагружает терминал, тот думает еще с минуту, и, наконец, распечатывает чек.

- Слава богу! - выдыхает покупатель, - Но вы эту штуковину почините.

- Обязательно, - улыбаюсь я.

Он выходит с покупкой и новым договором на оказание услуг связи, а Ренат сразу начинает возмущаться.

- В прошлую мою смену он нормально работал.

- А в мою уже такое случилось. Заявка на замену уже подана, - отвечаю ровно, - Юля была в курсе.

- Юля уволилась!

Я лишь пожимаю плечами. Лерка молча стоит за моей спиной, в когда я разворачиваюсь, что выйти из-за прилавка, говорит:

- Не знала, что ты снова тут работаешь.

- Я тоже.

Поправив волосы в хвосте, проводит ладонью по лбу и касается пальцами бейджика на груди.

- Говорили, что ты в другой город переехала.

- Вернулась.

- Быстро, - дергает бровями.

Старается держаться уверенно и независимо, но чувствую, как ей не по себе. Переводит дыхание, чертит взглядом зигзаги на моем лице, словно собирается что-то сказать или не хочет, чтобы я уходила.

- Лера... а ты уверена, что тебе можно со мной общаться? - напоминаю то, что какое-то время назад она сказала мне сама.

- Можно, - вдруг отпускает смешок, - Теперь точно можно.

Я вся обращаю внимание, потому что понимаю, что она приблизилась к тому, что ее тревожит на самом деле, но

встречных вопросов не задаю. Во мне, если честно, сидит жуткая обида на нее.

- Сашка больше не может указывать мне, - проговаривает тоном, похожим на беспечный, - Мы с ним расстались.

- Как расстались?.. - не скрываю удивления.

Когда мы познакомились с ней, она уже была с ним, а это значит, они встречались больше трех лет.

- Да пошел он, - смеется невесело и снова трогает свой бейджик, - Встретил и полюбил другую.

- Ничего себе...

- Я даже не знаю, где он умудрился познакомиться с ней, не то, что влюбиться. Мы же все время вместе были.

Видно, что говорить о нем Лере больно, хоть она и пытается держать лицо и храбриться. В глазах стоят слезы.

- Может, еще вернется?.. - спрашиваю, не зная, успокоит ее такое предположение или нет.

- Что?.. Вернется?.. - восклицает со смехом, - Вернется, чтобы поцеловать мою задницу, ясно!.. Пусть любит кого угодно, мне насрать!

- Эй, тише!.. - осаждает ее Ренат, - Не на базаре.

Лерка кривит лицо, пока он не видит, и понижает голос.

- Слушай, а ты теперь постоянно в первую смену работать будешь?

- Только летом, - отвечаю я, направляясь к выходу.

Бывшая подруга не отстает. Идет за мной и выходит на улицу. По щекам ударяет раскаленная пыль.

- Май, злишься?..

- Нет, - усмехаюсь негромко, - С чего бы?..

- Ты просто не представляешь, что началось, когда... его закрыли.

- Влада?.. - невольно замедляю шаг.

- Да. Их базу тут же оцепили, начались обыски, - тараторит она, - Нас всех начали таскать на допросы. Ну... на счет этих тачек, знаешь... Они там вроде какие-то нелегальные, или незаконно купленные, я не знаю...

Мое сердце сбивается с ритма, медленно шагая вдоль торгового центра, я с маниакальной жадностью впитываю каждое слово.

- Потом нагрянули ко мне домой!.. Ты прикинь!.. - восклицает, задыхаясь, - Устроили шмон, меня в допросную увезли.

- И что?..

- Продержали до утра, потом отпустили, конечно. А соседи тут же слили инфу моей тетке, и она выгнала меня из квартиры.

- Где ты живешь сейчас?

- Сначала у Сашки жила, - говорит она, - Сейчас с одной девчонкой снимаем комнату.

- Ясно.

Мы останавливаемся у входа. Лерка, несмотря на жару, кутается в свои руки.

- Это Сашка сказал мне не общаться с тобой. Типа ты спа-

лила контору...

- Я ничего не делала, - мотаю головой, - Я даже не знала, чем они занимаются, и ни разу там не была.

- Не знаю... - пожимает одним плечом, - Я тоже ничего толком не знаю. Сашка никогда не делился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.